

ти художественных ремесел), несмотря на участвовавшие со временем браки между латинянами и греками (как правило, мужчины-латиняне женились на гречанках) и появление целого слоя метисов — гасмулов, демографическая структура населения латинских государств не претерпела принципиальных изменений. Общество завоевателей не было в социальном и демографическом смысле нормальным, естественно сложившимся, каким было общество греческое на захваченных крестоносцами землях: латинские колонизаторы состояли в основном из мужчин-воинов, привилегированных рыцарей, господ, явившихся на «греческий Восток» без женщин и детей (семью они чем дальше, тем чаще заводили на месте нового своего поселения) и без подвластного им на родине люда (прежде всего крестьян). Этнические сообщества латинян в Романии были лишены корней, фундамента, основной структурообразующей базы, а вместе с тем и родной {593} по языку и культуре народной стихии. Не только в социальном и этническом, но и в культурном отношении латиняне оказались в изоляции, и процесс аккультурации стал быстро прогрессировать не в недрах подчиненного им греческого населения, а в их собственной среде. Время существования латинских государств на бывших византийских землях было эпохой особенно интенсивного и глубокого влияния византийской культуры на культурное развитие Западной Европы. Прежде всего «огречивались» сами графы и бароны Латинской Романии, усваивавшие все чаще греческий язык с детства как родной, даже принимавшие православие, а вместе с тем и местные, византийские культурные ценности, греческие нравы, вкусы, обычаи. Само литературно-художественное творчество латинских культурных деятелей, включая их элиту, оказывалось с ходом времени все в большей степени (при всем разнообразии положения дел в разных подвластных латинянам регионах) лишь своеобразной, иногда яркой и оригинальной, ветвью культуры греческой. Латинская Романия в целом, а в особенности венецианский Крит, при активном участии итальянских гуманистов стала мощным очагом распространения культуры Византии на Западе.

Все это тем не менее не означает, что латинское господство можно характеризовать как фактор, который либо не имел никакого, либо имел только негативное значение для судеб византийской культуры. Латинская Романия стала гигантской мастерской по обмену культурными ценностями. Влияние латинского зодчества (прежде всего готики) и латинского изобразительного искусства придавало порой особый колорит греческим памятникам, обогащало формы и традиционные приемы творчества. Во время венецианского господства на Крите получили простое для своего развития местные народные (в том числе «монашеские») школы иконописи, и Крит с XIV в. превратился в один из наиболее известных во всей Европе центров оригинальной греческой живописи, в которой бережно сохранялся старый стиль и в то же время воплощались достижения палеологовского искусства.

Через литературное творчество латинских поэтов, менестрелей и трубадуров, в творениях которых со временем гложала антивизантийская идея и которые переходили на греческий язык, в византийскую литературу проникали рыцарские идеалы уважения к женщине, бескорыстной любви и дружбы, верности родине и гражданскому долгу, ненависти к несправедливости и лицемерию (Филипп де Новар, Леонардо Деллапорта, Марин Фольер). Живые связи поэтов и писателей Латинской Романии с итальянскими гуманистами содействовали укреплению прогрессивных гуманистических тенденций в византийской культуре, усиливали внимание к народному устному творчеству. Причудливое сочетание западных и чисто греческих сюжетов рыцарских и любовно-приключенческих романов, создававшихся в Византии в XIV—XV вв., обязано отчасти, по всей вероятности, посреднической роли литературы Латинской Романии. Сравнительно с Центральной Грецией, франкской Мореей и Кипром синтез латинской и византийской культур был наиболее плодотворен именно на Крите, хотя и здесь в целом он не привел к органичному взаимопроникновению культур и их принципиальному обновлению. Вплоть до конца XV в. духовная, художественная жизнь Крита, его литература и искусство оставались в орбите византийской культуры, как осталась в ее фарватере {594} и культура всех других византийских земель, оказавшихся в результате Четвертого крестового похода во власти латинян. Наиболее слабыми при этом были связи с остальным греческим миром лишь у Кипра, где с трудом прослеживаются следы влияния палеологовского искусства.

Разумеется, население бывших земель Византии, занятых латинянами, в силу враждебности завоевателей к никейским императорам и эпирским деспотам поддерживало менее регулярные контакты с жителями Никеи, Трапезунда и Эпира, а затем восстановленной Византийской империи. Время политической и культурной изоляции не прошло бесследно для тех территорий, которые одна за другой возвращались под скипетр византийского императора и под